

VIII. Эссе

Леонид Люкс

Российское «молчаливое большинство» и его метаморфозы: исторический взгляд*

Тот факт, что Владимир Путин пользуется в стране беспрецедентной популярностью, хотя он своей агрессивной политикой в отношении Украины почти полностью изолировал Россию, ставит многих российских интеллектуалов в тупик. По этому поводу недавно умерший социолог Борис Дубин сказал в августе 2014 г. следующее: «Такого уровня консолидации вокруг первого лица не было никогда. ... Россия в лице ее сверхбольшинства приняла сегодня историческое решение, которого в истории России никогда не было ... Народ сам выбрал этот путь. За три-четыре недели руководитель страны ухитрился поставить на голову не только российское общество, но и весь мир». Простой русский народ, который интеллигенция обожествляла как «сокровищницу» нации, теперь обнажил свое настоящее лицо, добавил московский писатель Виктор Ерофеев во *Frankfurter Allgemeine Zeitung* от 2 октября 2014 г.: «Интеллигенция наступает на старые грабли. Она обвиняет власть, а не народ. Но как обвинять народ? В чем? ... Мы думали: Там шкатулка с драгоценностями... А там оказался гроб с гниющими потрохами. В 2014 открыли гроб. Ударил запах».

Интеллигенция и народ

Но в своем диагнозе Ерофеев не учитывает следующее. Большинство российских интеллектуалов разочарованно отвернулось от простого народа не из-за событий 2014 года, а гораздо раньше. Уже в 1917 году внутри образованного слоя в России произошла смена парадигмы. Революция, которую боготворили многие поколения интеллигенции, привела тогда к восстанию народа против европейски образованного слоя, вызывавшего ненависть, к разрушению тонкой и хрупкой цивилизационной оболочки петербургской России. И теперь в простом народе,

* Расширенная версия статьи, ранее опубликованной на немецком языке в журнале *The European* (21 October 2014).

бывшим раньше предметом восхищения, большинство интеллектуалов видело угрозу российской культуры. Эта травма 1917 года накладывала свой отпечаток на мышление интеллектуального ядра сформировавшегося в 1960-х годах правозащитного движения. По этой причине оно оказалось не в состоянии вырваться из своего интеллектуального гетто и вызвать к жизни охватывающее все слои населения оппозиционное движение, как это сделали, к примеру, польские диссиденты после основания Комитета защиты рабочих переименованного в 1977 году в Комитет социальной самозащиты (польск. KSS KOR).

Андрей Амальрик, один из основоположников правозащитного движения, писал, что критически настроенные по отношению к режиму интеллектуалы, в отличие от дореволюционной интеллигенции, не испытывали никакого чувства вины в отношении простого народа. Напротив, вместо комплекса вины у них появилось странное убеждение в вине народа перед интеллигенцией. Во время горбачевской перестройки у демократически настроенных интеллектуалов сохранялся скепсис в отношении широких слоев населения. Они все время подчеркивали, что нет ничего хуже, чем стихийные волнения отчаявшихся масс. Складывалось впечатление, что насилие сверху пугает их гораздо меньше, чем насилие снизу – невзирая на тот факт, что со времен окончания гражданской войны (1921) страну мучили и притесняли исключительно сверху, а «страшные» народные массы, если не считать нескольких исключений, молчали до 1989 года.

Однако именно это долгое безмолвие и пугало демократов. Литературный критик Юрий Виноградов называл народ в последней фазе перестройки загадочным сфинксом, о котором политическая элита почти ничего не знает. Духовное состояние общества внушало ему глубокую озабоченность. Коммунизм, невзирая на все преступления режима, все же давал людям хоть какую-то ориентацию. А теперь, после его краха, наступил этический и мировоззренческий вакуум, в котором люди оказались свободными от каких бы то ни было заповедей и запретов. Последствия такого состояния непредсказуемы.

Но подтвердился ли этот сценарий хоть в какой-то мере при первом крупном выступлении масс – забастовке горняков летом 1989 года? Ни в коей мере. Забастовщики, не имевшие до того ни малейшего опыта самостоятельной борьбы, на удивление быстро организовали забастовочные комитеты, которые смогли канализировать протест. Никаких взрывов народного возмущения, о которых постоянно предупреждали многие представители оппозиции, не произошло.

Поведение широких народных масс на выборах в заключительной фазе перестройки тоже должно было внушать оптимизм демократически настроенной интеллигенции. На первых в истории свободных выборах главы российского государства президентом был избран Борис Ельцин, бывший в то время символической фигурой для демократической оппозиции. За него было подано 57% голосов.

После провала попытки коммунистического путча в августе 1991 года и развала СССР в конце 1991 года новое российское руководство вступило на путь

крайне болезненных реформ (шоковая терапия в экономике, хаос приватизации). В это время опять зазвучали голоса, опасавшиеся социального взрыва в стране. В таком смысле высказывался, в числе прочих, экономист Григорий Явлинский. В мае 1992 он писал, что главным результатом реформ была потеря привычных ориентиров всеми слоями населения и распад старой системы жизнеобеспечения. Явлинский считал вполне вероятной реакцией на подобное развитие событий социальный взрыв невиданного масштаба.

Коммунисты, лишенные власти в августе 1991 года, горели желанием получить новый шанс. За несостоявшейся реставрацией сверху должна была последовать реставрация снизу. Неудавшееся в августе 1991 года нападение на московский Белый дом должно было повториться. Но на этот раз противники реформ хотели штурмовать его не танками, а во главе отчаявшихся народных масс. Однако демонстрации протеста, которые сторонники распавшегося Советского Союза постоянно организовывали в российской столице с февраля 1992 года, выглядели не слишком устрашающими. Призывы к свержению «демократических эксплуататоров» не находили должного отклика.

Терпение российского населения

Невероятное терпение русского народа, невзирая на чудовищно высокие цены и катастрофически недостаточное снабжение, выдержало первую зиму «второй» русской демократии. Юрий Левада писал в марте 1992 года, что о долготерпении народа разбивались до сих пор и «красные» с их призывами к реваншу, и «черные» с их националистическими лозунгами.

На референдуме, проведенном российским правительством в апреле 1993, то есть почти через полтора года после начала «шоковой терапии», правительственная политика реформ, к всеобщему изумлению, была поддержана большинством голосов.

Несмотря на вошедшее в пословицу долготерпение народа, политическое положение в России с конца 1992 года все же стало дестабилизироваться, в первую очередь из-за обострения конфликтов в верхних эшелонах власти: между демократически легитимированной исполнительной властью (Президент страны) и законодательной (Съезд народных депутатов), черпавшей свою легитимность из брежневской конституции. Так в постсоветской России сложилось своего рода «двоевластие», и это все больше выхолащивало монопольное право государства на насилие.

Возникшая в августе 1991 «вторая русская демократия», так же как и «первая», существовавшая с февраля по октябрь 1917, была парализована в результате своего рода двоевластия, то есть такой системы, которая не признавала разде-

ления властей и приводила к расколу государства на две конкурирующие и не-признающие друг друга структуры.

Кульминацией конфликта между обеими властями стали вооруженные столкновения в начале октября 1993 года в российской столице, после того как Борис Ельцин своим декретом распустил 21 сентября парламент. Штурм здания парламента, передававшийся прямой трансляцией многими телеканалами, оставил глубокую травму в сознании населения и повлек за собой значительную дискредитацию демократических идей. Это стало не последней причиной того, что праворадикальная партия Владимира Жириновского получила на выборах в первую государственную думу в декабре 1993 года почти 23% голосов: «Россия – ты одурела!», – так прокомментировал тогдашний результат выборов московский литературный критик Юрий Карякин.

Но нельзя забывать, что этому «восстанию масс» предшествовал внутренний раскол на вершине российской властной пирамиды. Недостаточная готовность Запада в начале 1990-х гг. интегрировать в европейские структуры Россию, тогда еще ориентированную на реформы, ускорила отход от демократических идеалов «молчаливого большинства» в стране. К желанным приоритетам многих россиян относилось в то время стремление к спокойствию и стабильности. По результатам опроса, проведенного в 1996 году, 70% участников требовало «восстановления порядка любой ценой». Всеми этими тенденциями воспользовался Владимир Путин, установивший в 2000-ом году свой режим «управляемой демократии». Уже упоминавшийся социолог Борис Дубин говорил, что большинство населения ничуть не смущал тот факт, что Путин в прошлом работал в КГБ. Наоборот, в российском обществе всегда существовал миф о том, что КГБ – последнее место, где сохранился порядок.

Российский политолог Владимир Пастухов, преподающий в Оксфорде, считает ошибкой либеральной оппозиции то, что она не готова плыть по течению этого национального потока. В то время как Кремль под предлогом войны произвел экстренную социальную мобилизацию русского общества, либеральная оппозиция продолжает настаивать на его «демобилизации». Нет ничего удивительного, что она остается непонятой своим народом. Либеральная оппозиция либо должна предложить свою программу национальной мобилизации, альтернативную путинской, либо будет вынуждена навсегда сойти с исторической сцены.

Но предложенная Пастуховым стратегия в высшей степени проблематична. Если критики режима последуют его призывам, то они практически откажутся от самих себя. Шанс вернуться на политическую сцену у них будет только в том случае, если большинство населения поймет, в какой тупик заводит Россию проводимый сверху националистический курс и как важно для страны «возвращение в Европу», за которое неумоимо борются российские критики режима.

Авторизованный перевод с немецкого Ларисы Лисюткиной